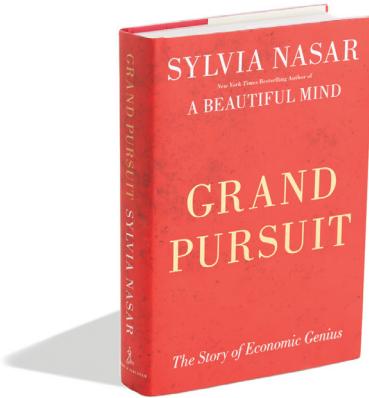

Прогулка в прошлое

Sylvia Nasar

Grand Pursuit

The Story of Economic Genius

Simon & Schuster, New York, 2011, 558 pp., \$35 (cloth).

В книге «Прекрасный ум», биографии экономиста, лауреата Нобелевской премии Джона Нэша, Сильвии Назар удалось блестяще объединить описание жизни и мысли, предложив также увлекательное исследование хрупкой природы гения. Книга «Grand Pursuit» («Великое стремление»), в которой интеллектуальная история рассказывается через групповую биографию, менее удачна. Назар повествует примерно о десятке экономических «гениев» — от Карла Маркса до Пола Самуэльсона и Амарты Сена. Она предлагает историю «жизни и времени» каждого, а также доступное и точное описание их основных идей.

Но картина слишком широка, и темп слишком стремителен, чтобы надлежащим образом объединить основные элементы. Связь между историями жизни, временем и идеями иногда представляется искусственной, и Назар воздерживается от использования обобщающих резюме, которые могли бы помочь разобраться в них. Некоторые связи вообще не проводятся: например, совсем не упоминается Кнут Виксель и вклад Швеции в современную экономическую теорию. Результат имеет оттенок интеллектуально-исторического туризма. Чтение этой книги доставляет большое удовольствие, но формула, столь успешная в предыдущей книге, не вполне срабатывает.

Великое стремление, ставшее заголовком книги, оказывается, было на-

вено «идей о том, что человечество могло бы радикальным образом изменить экономическую необходимость, подчинив себе материальные обстоятельства, вместо того чтобы быть порабощенными ими». По словам Назар, экономика была изобретена для того, чтобы освободить людей от бедности. Благотворительный элемент присутствовал с самого начала, но в светскую эпоху он требовал скорее научной, а не теологической основы. (Возможно, Назар привлекает внимание к ряду ранних экономистов, о которых рассказывается в книге, включая Ирвинга Фишера, Джона Мейнарда Кейнса, Альфреда Маршалла и Джоан Робинсон, которые произошли из семей священнослужителей.)

Назар в косвенной форме утверждает, что развитие экономической теории привело к улучшению материальных условий. Ее более всего инте-

Великая рецессия и ее последствия явно не поколебали оптимизма Назар.

ресуют различия во взглядах в отношении экономической теории — между теми, кто верил в прогресс через свободную конкуренцию и теми, кто верил в прогресс, достижимый посредством государственных мер. По-видимому, Беатрис Уэбб, которая не была экономистом даже в гибком понимании этого термина в XIX веке, заслуживает быть включенной в книгу именно как представительница этого последнего направления.

Одной из важнейших особенностей эпохи, о которой пишет Назар, является экономический цикл, и доктрины ее великих экономистов могут рассматриваться почти что как отклики на эти резкие колебания в экономической активности. Йозеф Шумпетер (в некоторых отношениях своеобразный герой этой книги) считал, что экономические спады являются необходимой частью прогресса и с ними следует примириться. Фридрих Хайек полагал, что они не являются необходимыми, но с ними, тем не менее, следует примириться. По мнению Кейнса, они не являются необходимыми и с ними не следует мириться.

В этой классификации взгляды Кейнса, как представляется, наиболее близки к взглядам Фишера и Милтона Фридмана, которые считали, что надлежащая денежно-кредитная политики может как предотвращать, так и устранять экономические спады. Но Кейнс полагал, что денежно-кредитной политики недостаточно: необходима также налогово-бюджетная политика.

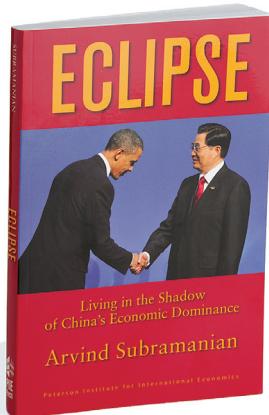
Если между Кейнсом, Фишером и Фридманом существует одна черта родового сходства, то она состоит в сопротивлении математизации экономики. Это связано с их отрицанием постулата «совершенной информации». В этом отношении, как и в большинстве других, Шумпетер представляет собой аномалию: его идея о «героическом предпринимателе» как носителе прогресса приближается к понятию Кейнса о «неунывающем духе» как движущей силе капитализма. Тем не менее, он никогда не оставил надежду сделать экономику столь же точной наукой, как физика, и затратил последние дни своей жизни, изучая математику, которой он так и не овладел.

Великая рецессия и ее последствия явно не поколебали оптимизма Назар. Финансовый кризис продемонстрировал, что наш воображаемый контроль над риском был гипертрофированным самолюбием, которое в одинаковой мере разделялось политиками, банкирами и экономистами. Но ошибочные представления, приведшие к кризису, коренятся в развитии, воспевающем в книге «Великие стремления». Одним из избранных гениев Назар является Пол Самуэльсон, чей труд «Основы экономического анализа» заложил основу для подхода на основе построения моделей, который доминировал в экономической науке в течение последних 50 лет.

В одном из показательных примеров, где она предпочитает биографические детали над теоретическими, Назар развенчивает «опасение о том, что математика выведет из употребления другие языки», указывая на «словесную виртуозность» Пола Самуэльсона и способность Джона фон Неймана «дословно цитировать Диккенса». Но ей должно быть известно, что дело не в этом.

Роберт Скидельски,
почетный профессор
политэкономии, Варвикский
университет

Под жарким солнцем

Arvind Subramanian

Eclipse

Living in the Shadow of China's Economic Dominance

Peterson Institute for International Economics, Washington, 2011, 216 pp., \$21.95 (paper).

Основная идея этой впечатляющей, хотя и небольшой, книги заключается в том, что «экономическое превосходство Китая является все более неизбежным и более всеобъемлющим, распространяясь на производство, торговлю и валютную сферу, чем это осознается в настоящее время». Автор поднимает вопросы о том, откажется ли Китай от меркантилизма, встанет ли на сторону свободной торговли, превратит ли юань в свободно конвертируемую резервную валюту — все это в своих собственных интересах, — и начнет пропагандировать принцип многосторонних отношений как оптимальный для всего мира, включая США, для регулирования неизбежной напряженности между все более могущественным Китаем и остальными странами. Он отдает предпочтение Всемирной торговой организации по сравнению с МВФ в том, что касается поддержания контроля за экономической мощью Китая и направления ее в конструктивное русло, и считает, что пришло время отказаться от Дохского раунда и начать «Китайский раунд». Как и в случае Токийского раунда 1973–1979 годов, когда экономика Японии была на передовом крае

и в центре, переговоры в рамках Китайского раунда позволят прочно закрепить положение Китая в многосторонней системе.

Эта книга, написанная экономистом, но предназначенная для более широкой аудитории, основана на фактах и является технической по своему характеру, завершаясь количественным анализом чувствительности. Она не содержит углубленной оценки того, что может представлять собой Китай как доминирующая экономическая держава, или оценки внутренних препятствий такому доминированию. Как известно специалистам по Китаю, эти помехи многочисленны и значительны. В будущем издании книги автору может быть целесообразно исследовать вопрос о том, как глобальное экономическое могущество Китая в 2030 году, по всей вероятности, будет отличаться от глобального экономического могущества США в 1970-е годы и Соединенного Королевства — столетием раньше. Однако если Китай не воспримет всерьез принцип демократии, он никогда не представит привлекательной модели для остального мира и будет иметь ограниченную, «несиловую» мощь. В кни-

Бурное десятилетие

James Boughton

Tearing Down Walls

The International Monetary Fund 1990–1999

International Monetary Fund, Washington, 2012, 992 pp., \$90 (cloth).

В этой книге, пятой в серии, Джеймс Боутон приводит научное, всестороннее и подчас вызывающее удивление описание истории МВФ в 1990-е годы. «Ломая стены» — достойное дополнение к упомянутой серии, которая включает также книгу Боутона «Тихая революция» (*Silent Revolution*), посвященную периоду с 1979 по 1989 год.

Для исследователей-специалистов книга «Ломая стены» послужит ценным руководством к документам. Для неспециалистов, которые хотят получить общее представление о МВФ, она будет полезным введением. А для сотрудников МВФ, стремящихся понять эволюцию их собственной организации, она станет одним из главных источников.

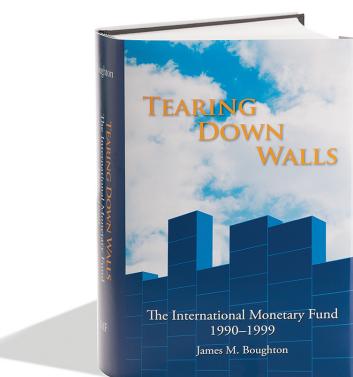
Но многообразие аудиторий создает конфликт между необходимостью энциклопедического подхода и желанием выделить важные темы. Возможно, неотъемлемой чертой работ такого ро-

да является то, что энциклопедическая тенденция нередко берет верх. Например, подход Боутона к описанию деятельности МВФ в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе заключается в том, чтобы дать краткую характеристику экономики всех без исключения стран бывшего Советского блока. В результате книга не всегда легко читается.

В основу книги автора положены архивы МВФ, к которым он имел беспрепятственный доступ, и беседы с участниками. И все же хочется узнать, в какой мере приводимое описание окрашено не только тем, какими были обсуждаемые события в глазах тех, от кого получал информацию Боутон, но и тем, как им хотелось бы, чтобы эти события представлялись сегодня.

Мишель Камдессю, в то время директор-распорядитель МВФ, выступает на этих страницах как энергичный и целеустремленный руководитель, готовый подвергнуть риску свою репутацию, когда ставки высоки. Неутомимый первый заместитель директора-распорядителя Камдессю Стэнли Фишер представляет главным участником в урегулировании кризисных ситуаций.

Однако, кроме вышеупомянутых, личности играют на удивление малую роль в повествовании. Возможно, Боу-

тон прав, принижая их значимость в той мере, в которой бюрократическая политика ограничивает индивидуальное пространство для маневра в большой организации, такой как МВФ. Но если это так, автор мог бы больше рассказать о бюрократических манипуляциях.

Мы относительно немного узнаем о борьбе между «территориальными» департаментами, которые, как правило, относительно сочувственно относятся к подведомственным им странам, и «функциональными» департаментами, такими как департаменты, отвечающие за денежно-кредитную и налогово-бюджетную политику, которые обычно настроены более критически. Некоторые департаменты в МВФ хорошо известны тем, что они более или менее открыты

ге практически не затрагиваются проблемы между Китаем и остальным миром, особенно США как ведущей державы в настоящее время. В ней также не рассматриваются опасности, которые возникнут, если Китай не перейдет к экономической и политической открытости, или если США не смогут своевременно провести необходимые внутренние экономические и налогово-бюджетные корректировки, что представляется все более вероятным.

У меня есть сомнения относительно методологии и исходных допущений этой книги, но я согласен с большинством ее заключений и считаю, что ее центральную идею надлежит принимать всерьез. В некоторых отношениях Китай уже является доминирующей экономической державой. Быстрые темпы роста его экономики означают, что Китай оказывает влияние на глобальный спрос и рынки биржевых товаров в большей степени, чем США, ВВП которых, рассчитанный по рыночным обменным курсам, все еще гораздо более чем вдвое превышает ВВП Китая. Когда дело идет об измерении международного экономического влияния крупных стран, таких как США и Китай, размеры ВВП

(даже скорректированные по паритету покупательной способности) могут иметь меньшее значение, чем темпы экономического роста. Другой методологический вопрос касается измерения торговли как фактора, определяющего экономическую мощь. Объем торговли Китая действительно огромен, и он, по прогнозу автора, вполне может возрасти до 15 процентов общемирового объема к 2030 году (по сравнению с 9,8 процента в 2010 году). Но доля торговли продукцией для переработки Китая (которая создает мало добавленной стоимости во внутренней экономике) в общем объеме торговли, вероятно, будет оставаться значительно более высокой, чем средний мировой уровень в последующие 20 лет. Следует ли при расчете глобальной экономической мощи присваивать торговле продукцией для переработки тот же вес, что и стандартной торговли? Я считаю, что нет.

Одно из интересных и спорных утверждений — прогноз о том, что Китай будет наращивать собственные выгоды, отменив меры по сдерживанию развития внутренней финансовой сферы (искусственно низкие процентные ставки и заниженный валютный курс) и выступая

за глобальную свободную торговлю. Автор придает большое значение недавним усилиям Китая, направленным на расширение международного обращения его валюты, что, как он полагает, предвещает отмену всех мер контроля за капиталом и первое выступление юаня в качестве резервной валюты. Эта логика понятна, но реалистична ли она? Сомневаюсь. Внутренние политические последствия превращения юаня в резервную валюту серьезны. Сдерживание развития финансовой сферы является неотъемлемой чертой политической системы Китая и контроля со стороны китайской коммунистической партии, и маловероятно, что она будет отменена в обозримом будущем. Будем надеяться, что автор прав, а я ошибаюсь: прекращение сдерживания развития финансовой сферы и свободно конвертируемый юань, который мог бы служить в качестве глобальной резервной валюты, — в интересах Китая (и всего мира) в долгосрочной перспективе.

Питер Боттельер,
доцент факультета перспективных
международных исследований
Университета Джона Хопкинса и автор
многочисленных статей о Китае

новым идеям; один из функциональных департаментов в рассматриваемый период неофициально назывался (без особой теплоты) полицией мыслей. И опять же это — вопрос, о котором хотелось бы узнати больше.

Название «Ломая стены» вызывает в памяти падение Берлинской стены и переход от плановой экономики к рыночной в странах бывшего Советского блока. Оно намекает на попытки МВФ стать более прозрачной организацией — то есть сломать стены, отделяющие ее от внешнего мира. И оно относится к процессу глобализации, в которой роль МВФ остается дискуссионной.

В первом разделе рассматривается переход к рынку стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Боутон представляет МВФ как организацию, хорошо подходящую для того, чтобы возглавить эти усилия. Фонд специализируется на оказании странам содействия в корректировке макроэкономических и структурных дисбалансов, а страны бывшего Советского блока имели чрезвычайные макроэкономические и структурные дисбалансы.

Тем не менее, штаты МВФ были не то чтобы очень щедро укомплектованы экономистами, хорошо знающими бывший Советский Союз, страны, которые не были членами Фонда до падения Берлинской стены. Для этих стран

фундаментальная проблема заключалась в меньшей степени в восстановлении макроэкономического равновесия, чем в создании рынков, которых не существовало, и в управлении крупномасштабными приватизациями. В том, что касалось решения этих задач, МВФ не имел сравнительного преимущества. Например, как указывает сам Боутон, Фонд нередко был в затруднении по поводу приватизации.

Затем внимание в книге переходит к кризисам в Мексике, России и Азии. Хотя эти эпизоды подробно анализировались, Боутон предлагает ряд откровений. Например, нам сообщается, что МВФ впервые узнал о предстоящей девальвации песо не от мексиканского правительства, а из неформального замечания, сделанного высокопоставленным должностным лицом США. Мы узнаем, что причиной, по которой МВФ не приложил больше усилий к тому, чтобы отвратить Россию от дефолта, было недопонимание в телефонном разговоре между Камдессю, находившимся в летнем отпуске в Байонне, Франция, и представителем Фонда в Москве, Джоном Одлингом-Сми.

Временами эта драма притягательна. Не может не произвести впечатление количество неотложных телефонных звонков в два часа ночи, а также то, как лихорадочно ездили должностные

лица МВФ в Москву и Джакарту, чтобы удержать мировую экономику от падения в пропасть.

Боутон рассказывает о том, как близко подошел мир к «моменту Lehman Brothers» в 1995, 1997 и вновь в 1998 году. В ретроспективе ясно, что уже в 1990-е годы что-то было чрезвычайно неладно с глобальной финансовой системой, которая была настолько уязвимой, что обвалилась. Хочется спросить, почему МВФ в то время не сделал больше для устранения проблемы.

Наконец, поразительно то, какие темы упоминаются лишь эпизодически: Китай, Индия, глобальные дисбалансы, международная роль доллара, появление евро. Несомненно, эти вопросы будут занимать центральное место в следующей книге серии. Но то, что им не уделяется больше внимания здесь, показательно. Это говорит о том, что МВФ, будучи самообучающейся организацией, является также организацией, склонной реагировать на последнюю проблему, вместо того, чтобы предвидеть следующую.

Барри Айхенгрин,
профессор экономики и политологии,
фонд Джорджа К. Парди и Элен
Н. Парди в Калифорнийском
университете в Беркли, бывший
старший советник по вопросам
политики МВФ (1997–1998 годы)